

Критика и библиография

П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. Издательство «Наука». М.-Л., 1966, 308 стр.

Археологические исследования по этногенетической тематике вызывают среди исследователей оживленные споры и дискуссии. Отчасти это объясняется тем, что археология еще не располагает достаточной совокупностью фактов для разрешения некоторых узловых вопросов этногенеза, но в еще большей степени — огромным интересом к этногенетической проблематике.

Новая книга П. Н. Третьякова занимает особое место среди этногенетических исследований. На основе новейших данных археологии крупный специалист по восточноевропейским древностям попытался нарисовать целостную картину далекого прошлого срединной полосы Восточной Европы. Объектом исследования стали коренные вопросы финно-угорского, балтского и славянского этногенеза и ранняя история этих трех крупнейших этнических массивов Восточной Европы. По широте затронутых проблем исследование П. Н. Третьякова может быть сравнимо лишь с монографией Ю. В. Готье «Железный век в Восточной Европе», вышедший в свет более 35 лет назад¹. С тех пор археологи собрали значительное количество новых материалов, позволивших не только заново пересмотреть и более основательно решить многие вопросы восточноевропейских этногенетических процессов, но и подойти к решению таких тем, о постановке которых три-четыре десятилетия назад не могло быть речи.

Книга П. Н. Третьякова, бесспорно, привлечет внимание не только археологов, но и представителей других наук — лингвистов, топонимистов, антропологов, этнографов, историков и, полагаю, вызовет интересную и необходимую для развития науки полемику.

Настоящая рецензия концентрирует внимание на некоторых дискуссионных вопросах, главным образом в области славянского этногенеза и балто-славянских взаимоотношений.

* * *

На территории Восточной Европы наиболее ранними бесспорно славянскими являются древности пражского облика, датируемые VI—VII вв. Их генетическая преемственность с раннесредневековыми славянскими культурами не подлежит сомнению. На вопрос о том, какие же древности более раннего времени следует считать славянскими, П. Н. Третьяков отвечает, что таковыми являются памятники зарубинецкой культуры. Однако мнение о славянской принадлежности зарубинецкой культуры, хотя и является распространенным, ничем не оправдано.

Славянство зарубинецкой культуры П. Н. Третьяков попытался обосновать следующим рассуждением (стр. 220). Зарубинецкую культуру нельзя отнести ни к иранскому, ни к балтскому, ни к финно-угорскому населению Восточной Европы, так как облик этой культуры заметно отличается от синхронных древностей скифов и сарматов, балтских и финно-угорских племен. Зарубинецкая культура не могла быть оставлена древними германцами, так как ни гидронимические, ни исторические материалы не дают оснований для размещения германских племен в области Припятского Полесья и Верхнего Поднепровья. Так как догадка о принадлежности зарубинецкой культуры каким-то неизвестным племенам не имеет под собой почвы, отмечает далее П. Н. Третьяков, остается предположить славянство носителей этой культуры.

Однако своеобразие зарубинецкой культуры при сравнении ее с синхронными балтскими культурами Верхнего Поднепровья не может быть использовано для отрицания балтской принадлежности носителей этой культуры. Давний распад балтской языковой общности и расселение балтоязычных племен на обширных территориях привели к возникновению уже в эпоху раннего железа различных культур

¹ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930.

балтского мира². Так, различия между самландо-патапчской (восточнопрусской) культурой и культурой штрихованной керамики или днепровско-двинской культурой настолько велики, что следуя за П. Н. Третьяковым, их нельзя относить к балтам. Между тем, все эти культуры оставлены балтами. Еще заметнее культурные отличия между западнолитовскими и восточнолитовскими древностями на протяжении всего I тысячелетия. Тем не менее, их балтская атрибуция не вызывает сомнений.

П. Н. Третьяков обращает внимание на то, что ареал зарубинецкой культуры находится в основном в той области, в пределах которой на территории СССР сосредоточена древняя славянская гидронимика. Этому обстоятельству не стоит придавать большого значения. Ведь в пределах той территории, где, по мнению некоторых исследователей, сосредоточена древняя славянская гидронимика, расположены и милоградская культура, и скифские лесостепные культуры, и значительная часть черняховской культуры. Тем не менее, этого факта явно недостаточно для славянской атрибуции этих древностей. Совпадения археологических и гидронимических ареалов иногда бывают и случайными. Пока ни одному исследователю не удалось показать бесспорную древность славянской гидронимики в пределах зарубинецкого ареала³.

На стр. 229—230 П. Н. Третьяков сопоставляет карту расселения зарубинецких племен в левобережной части Верхнего Поднепровья, составленную по археологическим материалам, с картой ранней славянской гидронимики на этой территории⁴. Отмечая совпадение этих карт, П. Н. Третьяков делает важный вывод: «В этом нельзя не видеть еще одно убедительное подтверждение справедливости мнения о зарубинецких племенах как племенах раннеславянских» (стр. 230).

Но гидронимическая карта В. В. Топорова и О. Н. Трубачева является узко региональной, ограниченной избранной территорией исследования. П. Н. Третьяков не обратил внимания на то, что водные названия совершенно такие же, какие для верхнеднепровского бассейна являются раннеславянскими, известны далеко за пределами Поднепровья. Они обильно представлены в бассейне Западной Двины и в Новгородско-Псковской землях (многочисленные Буды и Будовицы, Дебрянки, Теретки, Луковец, Велетовки и т. п.). Немало таких гидронимов в Волго-Окском междуречье, есть они и в бассейне Дона. Между прочим, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев в словаре гидронимов отмечают распространенность их и за пределами верхнеднепровского бассейна⁵. К тому же датируется эта группа славянской гидронимии широко — домонгольским временем. В целом она предшествует группе водных названий с суффиксом -ка, функционирование которого начинается сравнительно поздно⁶. Таким образом, предпринятое П. Н. Третьяковым сопоставление археологической и гидронимической карт не оправдано ни географическими, ни хронологическими мотивами. Такое сопоставление не является аргументом в пользу славянской атрибуции зарубинецкой культуры.

Непременным условием для всякого вывода об единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой. Если такая преемственность отсутствует, то неизбежен вывод о смене одного этноса другим или о наложении одной этноязыковой единицы на другую. Между зарубинецкими древностями (в том числе и поздnezарубинецкими) и славянскими памятниками раннего средневековья какой-либо генетической преемственности не обнаруживается. Так, древности древлян, вольнян, полян и дреговичей второй половины I тыс. не имеют никакого отношения к зарубинецкой культуре. А ведь эти племена занимали коренную часть зарубинецкого ареала! Не может быть речи также об эволюционной связи между роменско-боршевской культурой (северяне и вятичи) и зарубинецкими древностями. В ранней культуре кривичей и словен новгородских тоже не обнаруживается ни малейших связующих элементов с зарубинецкими древностями. Нет преемственности и между культурой раннеархимических курганов

² На основе новейших данных балтской диалектологии В. Мажюлис утверждает, что начало распада балтского единства (на западных, восточных и днепровских балтов) по времени совпадает с началом распада балто-славян (балто-славянской «сообщности») и датируется II тысячелетием до н. э. Таким образом, праславянский язык существовал еще в течение двух с половиной тысячелетий, в то время как прабалтского языка уже не было (В. М а ж ю л и с. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964).

³ В настоящее время лингвисты считают, что области наибольшего сосредоточения гидронимов определенной языковой принадлежности не являются территорией первоначальной локализации соответствующей этнической группы (В. В. М а р т ы н о в. Этногенез славян в свете новых лингвистических данных. «Вопросы этнографии Белоруссии», Минск, 1964, стр. 85, 86). В частности, районы концентрации славянской гидронимии не являются древнейшей славянской территорией, а принадлежат к областям славянского заселения (М. R u d n i c k i. Prasłowiańszczyzna. Lechia — Polska, I, Poznań, 1959, стр. 7).

⁴ В. Н. Т о п о р о в и О. Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, карта 9.

⁵ Там же, стр. 216—222.

⁶ В. А. Н и к о н о в. География русских суффиксов. «Onomastica», V, 2, Wrocław — Krakow, 1959, стр. 329.

IX—X вв. и зарубинецкой культурой. П. Н. Третьяков показывает возможную связь между зарубинецкой культурой и верхнеднепровскими древностями третьей четверти I тыс. типа Колочина-Кветуни-Смольянь. Но ведь последние древности также не обнаруживают генетической преемственности с беспорными славянскими памятниками Верхнего Поднепровья. Жаль, что П. Н. Третьяков обрывает этническую историю населения лесной полосы Восточной Европы примерно на рубеже третьей и четвертой четвертей I тысячелетия, т. е. как раз той порой, когда в верхнеднепровских землях распространяются беспорные славянские памятники. Если бы исследователь попытался довести историю Верхнего Поднепровья до начала II тысячелетия, то отсутствие генетической преемственности между зарубинецкой культурой и древностями типа Колочина-Кветуни-Смольянь, с одной стороны, и беспорными восточнославянскими памятниками, с другой, было бы очевидным. Исходя из этого зарубинецкие древности следует классифицировать как дославянские⁷.

Но если славянство зарубинецкой культуры не оправдывается ни археологическими, ни какими-либо другими материалами, то кому же принадлежали эти древности? При решении этого вопроса необходимо прежде всего обратить внимание на судьбу носителей зарубинецкой культуры. Как известно, зарубинецкая культура получила распространение в Припятском Полесье и в смежных с ним областях Среднего и Верхнего Поднепровья в период с конца II в. до н. э. до рубежа I—II вв. н. э. На рубеже I—II вв. н. э. зарубинецкая культура в Полесье и Среднем Поднепровье прекращает существование. Дальнейшая история носителей этой культуры связана с расселением их в левобережной части Верхнего Поднепровья, а позднее в бассейне верхней Оки. В результате расселения носителей зарубинецкой культуры и смешения их с местным (восточнобалтским) населением на этой территории складываются почепская культура на Десне⁸, мощинская на Оке,⁹ культура типа среднего слоя Тушемли в левобережной Смоленщине, типа Обидни на восточной окраине культуры штрихованной керамики. Все эти древности не обнаруживают генетической преемственности с беспорными славянскими и должны быть отнесены к дославянскому населению. Поэтому поиски соответствующего гидронимического пласта должны вестись среди дославянской гидронимии верхнеднепровского и верхнеокского бассейнов.

Древняя гидронимия Верхнего Поднепровья имеет восточнобалтский характер (распространение форманта *-esa/-asa*). Вместе с тем на всей территории расселения зарубинецких племен (левобережная часть Верхнего Поднепровья и Верхнее Поочье) выявляется большая группа водных названий, которая интерпретируется как западнобалтская. Сюда относятся:

1. гидронимы с элементом *апе* (Ужепа Воль, Неропля и др.); 2. названия, этимологизируемые из прусского языка (Стабна, Стабня, Стабница, Поня, Паня и др.); 3. названия с меной *-э-* вместо *-ж-* (Азарза, Зубир, Кзелка, Дерзана и др.); 4. гидронимы с формантом *-ва* (Водва, Волва, Локнава, Мывта, Протва, Смедва и др.).

Гидронимия западнобалтского происхождения образует компактный регион, охватывающий и те районы, где еще в XII в. жили остатки балтского племени голяди. Картография топонимов, производных от последнего гидронима, дает основание для предположения о голядском происхождении западнобалтского гидронимического напластования на юго-востоке древней балтской территории¹⁰. Западнобалтский гидронимический пласт здесь не является исконным и мог быть занесен какой-то группой переселенцев из западнобалтского мира. Зарубинецкое население является единственной группой племен, проделавших путь из западнобалтских областей до верхнеокского бассейна¹¹. Это обстоятельство наряду с совпадением голядского гид-

⁷ Сходство отдельных сосудов из памятников типа Колочина-Кветуни-Смольянь с сосудами нижнеднепровских и южнобугских поселений третьей четверти I тысячелетия, на что обращает внимание П. Н. Третьяков, не доказывает славянской принадлежности ни зарубинецких древностей, ни памятников Верхнего Поднепровья.

⁸ А. К. Амброс. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э., СА, 1964, 1, стр. 56—71. П. Н. Третьяков возражает против названия «почепская культура», предпочитая именовать деснинские древности поздnezарубинецкими. Он полагает, что носители южновской культуры в значительной степени ушли при зарубинецком расселении. С последним утверждением согласиться невозможно, так как в древностях Подесенья I тысячелетия обнаруживаются явные реликты южновской культуры (в керамике и домостроительстве).

⁹ П. Н. Третьяков согласен, что носителями мощинской культуры были балты. Вместе с тем он не отрицает участия зарубинецкой культуры в формировании мощинских древностей. Трудно отрицать передвижение потомков зарубинецких племен на верхнюю Оку, ведь мощинская керамика во многом повторяет поздnezарубинецкую (деснинскую).

¹⁰ В. В. Седов. Гидронимия голяди. III республиканська ономастична (гідронімічна) конференція (тези). Київ, 1965, стр. 128—132.

¹¹ Все материалы свидетельствуют в пользу того, что зарубинецкая культура в Припятском Полесье и в смежных областях Киевского и Гомельского Поднепровья была создана пришлым населением. Никаких связующих звеньев между зарубинецкой и милоградской (на территории которой в основном и распространяется зарубинецкая культура) культурами не имеется. Нет преемственности также и между скифскими и зарубинецкой культурами. Некоторые общие элементы этих культур

ронимического ареала с территорией археологических культур, в создании которых приняли участие потомки зарубинецких племен, дает основание назвать верхнеднепровские и верхнеокские древности второй и третьей четверти I тысячелетия голдскими (по Иордану, Goldas и Golthescytha)¹². Таким образом, можно полагать, что зарубинецкая культура оставлена не славянами, а группой западнобалтских племен.

Такому решению вопроса соответствуют и свидетельства древних авторов. Как раз к середине I тысячелетия относятся сведения Иордана по этнографии Средней и Восточной Европы. Обширное пространство от берегов Балтийского моря до акациров, заселявших часть бассейна Дона, он отводит айстам (балтам)¹³. Славяне же по данным письменных источников, занимали области, расположенные западнее и юго-западнее балтского ареала. Согласно сведениям античных авторов, в первой половине I тысячелетия вены обитали в бассейне Вислы, где-то на территории между Северным Прикарпатьем и побережьем Балтийского моря¹⁴. В середине I ты-

сячелетия являются результатом сосуществования носителей милоградской и зарубинецкой культуры на одной территории и следствием ассимиляции милоградцев и скифов зарубинецким населением. С этим вполне согласен П. Н. Третьяков.

Несмотря на это, П. Н. Третьяков настаивает на автохтонном развитии зарубинецкой культуры. Его «рабочая схема» генезиса этой культуры выглядит так. Среди носителей скифских лесостепных культур должны быть и нескифские племена. Последние меньше, чем скифы, пострадали от сарматов и явились создателями зарубинецкой культуры. Какой-либо археологической аргументации эта схема не имеет.

Между тем, в распоряжении исследователей имеются материалы, свидетельствующие о западном происхождении зарубинецкой культуры. Истоком формирования этой культуры, скорей всего, были поморская и подклёшевая культуры Повисленья. Согласно Ю. В. Кухаренко, зарубинецкая культура возникла как ответвление от поморской культуры в результате переселения ее носителей с Кошубской возвышенности на юг и юго-восток (Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, 1, стр. 289—300). П. Н. Третьяков, возражая Ю. В. Кухаренко, утверждает, что припятская группа зарубинецких древностей не старше днепровской, а среднеднепровская группа также архаична и не может быть ответвлением полесской. Следовательно, зарубяны не могли прийти с запада. Однако эти замечания не являются основанием для отрицания пришло (западного) происхождения создателей зарубинецкой культуры. Недавно Д. А. Мачинский показал, что три локальные группы зарубинецкой культуры (припятская, среднеднепровская и верхнеднепровская) образовались не путем постепенного расселения через области Припятского Полесья, а формировались за счет притока населения из разных областей поморской и подклёшевой культур (Д. А. Мачинский. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. КСИА АН СССР, 107, 1966, стр. 3—8).

¹² Недавно Э. А. Симонович, возражая против отнесения древностей типа Колочина-Банцеровщины-Тущемли к балтским памятникам, отметил, что их балтская принадлежность была бы оправданной, если бы «...в областях севернее рек Припяти и Сейма отсутствовали для этой эпохи географические названия славянского происхождения» (Э. А. Симонович. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья. СА, 1966, 3, стр. 50). Но как раз славянских гидронимов, синхронных этим памятникам, в Верхнем Поднепровье до сих пор не известно. Древнейшая славянская гидронимика здесь имеет лишь восточнославянский облик и относится к периоду не ранее VII—IX вв. (В. В. Седов. Из истории восточнославянского расселения. КСИА АН СССР, 104, 1965, стр. 3—7).

Отнесение верхнеднепровского гидронимического напластования балтского происхождения ко времени балто-славянской общности, как думает Э. А. Симонович, невероятно. Характер балтского слоя здесь (диалектное членение, напластования и т. п.) вполне отчетливо свидетельствует в пользу того, что отложение его относится к значительно более позднему времени, чем период балтской общности, не говоря уже о балто-славянской общности. На основании лингвистических наблюдений над верхнеднепровской гидронимикой В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев считают, что завершение славянизации балтского населения Верхнего Поднепровья приходится на первые века II тысячелетия н. э. (В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 173).

¹³ Иордан отмечает, что айсты, с одной стороны, жили по берегу Балтийского моря рядом с видвариями (устье Вислы), с другой стороны, соседели на юге с акацирами (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 72). О локализации акациров см. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 55—57 и 71.

¹⁴ Плиний (I в. н. э.) связывает венов с территорией, лежащей в бассейне реки Вислы (Г. Плиний Секунд. Естественная история. В кн.: В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. II, 1, СПб., 1904, стр. 176). Тацит (I в. н. э.) помещает венов между певкинами и феннами, т. е. тоже, по всей вероятности, где-то в бассейне реки Вислы (Корнелий Тацит. Германия. Там же, стр. 250). Согласно «Географии» Птолемея (II в. н. э.), вены локализируются к северу от бастарнов по побережью Венодского (Балтийского моря) залива (Клавдий Птоломей. Географическое руководство: Там же, I, СПб., 1890, стр. 231). В «Певтингеровых таблицах» (конец III — начало IV вв.)

сячелетия, по Иордану, славяне занимали территорию к северу от Дуная между западным Повисленьем и нижним Днепром¹⁵.

Но если зарубинецкая культура не может быть признана раннеславянской, то какие же древности первой половины I тысячелетия могут рассматриваться как славянские? Мне кажется, что исследователи, ведя поиски славянских древностей этого времени, не доучитывают исторической обстановки эпохи «великого переселения народов». К славянским древностям многие археологи относят черняховскую и пшеворскую культуры. Между тем, и эти культуры не обнаруживают полной генетической преемственности со славянскими древностями VI—VII вв. Вряд ли можно согласиться также с И. И. Ляпушкиным, полагающим, что до середины I тысячелетия славяне были весьма небольшим племенем, памятники которого до сих пор не обнаружены¹⁶.

Согласно свидетельствам древних авторов, в первой половине I тысячелетия в Средней и Юго-Восточной Европе, где, по всем данным, в это время жили славяне (венеды), в результате миграций и диффузий различных племен имели место значительные территориальные смешения разноэтнического населения. У Прокопия Кесарийского имеется непосредственное сообщение, касающееся территориального смешения славян с германцами: «Когда же в Италию пришло войско римлян, то земли галлов и венетов в большей своей части были заняты германцами»¹⁷. В Нижнем Подунавье славянское население смешалось с гетскими племенами. Недаром византийский историк VII в. Феофилакт Симокатта называл славян гетами¹⁸. Межплеменное образование IV в. «держава Германариха», пестрое в этническом отношении (готы, анты, сарматы, геты), по всей вероятности, сложилось на фоне отсутствия территориального размежевания племен.

В этой связи и археологические культуры эпохи переселения народов являются сокоучностью элементов материальной культуры этнически смешанного населения. Поэтому черняховскую и пшеворскую культуры нельзя целиком относить к славянам или целиком к германцам. Эти культуры не равнозначны этническим общностям. В связи с этим поиски славянских древностей первой половины I тысячелетия предостоят вести посредством дифференциации черняховских и пшеворских памятников на славянские, германские, сарматские и иные. Только после завершения этой весьма сложной и трудоемкой работы удастся обнаружить истоки славянской культуры VI—VII вв. и начать поиски более ранних славянских древностей.

Схема размещения средневропейских и восточноевропейских племен в I тысячелетии до н. э. нарисована П. Н. Третьяковым на основе данных языкознания (стр. 190—196). Согласно этой схеме, славяне локализируются где-то между ареалами балтских, иранских, фракийских и германских племен. Ранним славянам, таким образом, отводится полоса Средней Европы между бассейном Одера на западе и Средним Днепром на востоке. В целом эта схема не вызывает каких-либо серьезных возражений, кроме замечаний частного характера.

В I тысячелетии до н. э. славянская территория не могла простираться до поречья Днепра. В результате анализа гидронимии Верхнего Поднепровья В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев пришли к выводу о непосредственных балто-иранских языковых контактах¹⁹. В. И. Абаев пишет о непосредственном соседстве скифских и балтских племен на основе изучения лексических изоглосс²⁰. Вместе с гидронимикой археология локализует зону балто-иранского языкового контакта в Среднем Поднепровье (область соприкосновения скифских лесостепных культур с юхновской и милоградской культурами)²¹. Следовательно, прежнее представление, которого придерживается П. Н. Третьяков, что славяне жили южнее балтов и составляли преграду для балто-иранских контактов, является устаревшим.

В последние годы пересмотрен и вопрос о славяно-германском языковом контакте. В. В. Мартынову, исследование которого осталось вне внимания П. Н. Третьякова, удалось показать вероятность славяно-германского лексического взаимодействия уже в середине I тысячелетия до н. э.²² В этой связи правильнее было бы говорить, что славяне были юго-западными, а не южными соседями балтов²³.

в одном месте венеды оказываются соседями бастарнов, в другом — размещаются рядом с гетами и даками, т. е. где-то в Северном Прикарпатье (K. Müller, Weltkarte des Castorius genannt die Peutingerische Tafel. VIII, 1, 4, Ravensburg, 1888).

¹⁵ Иордан. Ук. соч., стр. 72.

¹⁶ И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР (Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова). Л., 1961, стр. 208, 209.

¹⁷ А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. ВДИ, 1941, 1, стр. 243.

¹⁸ Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, стр. 75, 154.

¹⁹ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 231.

²⁰ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 133, 134.

²¹ В. В. Седов. Балто-иранский контакт в днепровском Левобережье. СА, 1965, 4, стр. 52—62.

Каково соотношение верхнеднепровских памятников типа Кветуни-Колочина с синхронными древностями междуречья Нижнего Днепра и Днестра? П. Н. Третьяков обращает внимание на присутствие в тех и других памятниках серии глиняной посуды биконической формы и отсюда делает вывод о сложении тясминских, надпорожских и побужских древностей третьей четверти I тысячелетия посредством миграции населения из областей Верхнего Поднепровья — потомков носителей зарубинецкой культуры. Это обстоятельство, по мнению П. Н. Третьякова, служит подтверждением славянской принадлежности зарубинецкой культуры, так как, по его мнению, днепро-бужские памятники типа Пеньковки являются, бесспорно, славянскими. Однако биконическая форма сосудов памятников третьей четверти I тысячелетия в левобережной части Верхнего Поднепровья и исходная керамика междуречья Днестра и Нижнего Днепра развивались независимо друг от друга. Это совсем разные археологические комплексы. Истоки верхнеднепровских реберчатых сосудов лежат в зарубинецких и послезарубинецких древностях. Здесь нельзя не согласиться с П. Н. Третьяковым. Днепро-бужские же древности типа Пеньковки обнаруживают заметные элементы связи с местными памятниками первой половины I тысячелетия.

П. Н. Третьяков напрасно отрицает всякую связь черняховской культуры с древностями типа Пеньковки. Конечно, говорить о полной генетической преемственности между этими культурами не приходится. Слишком значительны различия между ними. Но отдельные связующие звенья все же имеются. Так, биконические сосуды потясминских, нижнеднепровских и побужских поселений VI—VII вв. обнаруживают бесспорные аналогии среди керамического материала черняховских памятников (Косаново и Данилова балка на Южном Буге, Черняхов, Журовка и Ломоватое в Поднепровье и др.)²⁴. Сравнительный анализ биконических сосудов черняховской культуры и славянских памятников VI—VII вв. из междуречья Днестра и Нижнего Днепра говорит в пользу того, что сосуды из последних памятников ведут свое начало от черняховских горшков. На днепро-бужских поселениях третьей четверти I тысячелетия весьма распространены также горшки с выпуклыми боками различной степени кривизны, с прямыми или слегка отогнутым венчиком и дном, по диаметру равным ширине горла. Они также напоминают по форме лепные горшки с выпуклыми боками и суженным дном и горловиной из черняховских памятников Поднепровья²⁵. Таким образом, керамический материал дает основание видеть в памятниках типа Пеньковки местные истоки. Этому не противоречат и данные письменных источников. Иордан упоминает об атаках конца IV в., ведших борьбу с остроготами, оставшимися на Нижнем Днестре после гуьтского нашествия²⁶. Следовательно, среди черняховских памятников IV в. должны быть раннеантские древности.

Гипотезе П. Н. Третьякова о миграции верхнеднепровского населения на юг в области Нижнего Днепра и Южного Буга противоречат то обстоятельство, что среди керамического материала днепро-бужских поселений VI—VII вв. представлены далеко не все формы, распространенные в Верхнем Поднепровье. В частности, на поселениях днепро-бужских славян третьей четверти I тысячелетия полностью отсутствуют наиболее распространенные верхнеднепровские типы сосудов — слабопрофилированные сосуды туземлинского облика, известные не только на Смоленщине, но и в памятниках Подесенья. Во все нет на юге тюльпановидных сосудов, составляющих в Верхнем Поднепровье значительный процент керамической коллекции²⁷. Отсутствуют в памятниках Потясминья, Надпорожья и Побужья и раструбообразные сосуды, ближайшая аналогия которым находится в мощных памятниках. С другой стороны, в памятниках третьей четверти I тысячелетия междуречья Днестра и Нижнего Днепра

²² В. В. Мартынов. Славяно-германские лексические взаимодействия древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск, 1963.

²³ Недавно О. Н. Трубачев показал, что носители раннеславянских диалектов, вырабатывая свою древнюю ремесленную терминологию, находились в контакте с германцами и италийцами, т. е. с индоевропейцами центральной Европы. Общих балто-славянских соответствий в ремесленной лексике немного. В связи с этим исследователь полагает, что носители раннеславянских диалектов жили в центральной Европе и общение их с балтами наступило сравнительно поздно (О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках М., 1966).

²⁴ Некоторые из этих сосудов изображены в статье Э. А. Сымоновича (Э. А. Сымонович. Ук. соч., рис. 3), придерживающегося несколько иных позиций. Этот исследователь пишет о полной преемственности черняховских и славянских древностей типа Пеньковки, с чем согласиться невозможно.

²⁵ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 183, рис. 8; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, 89, 1960, табл. 21, 3, 5.

²⁶ Иордан. Ук. соч., стр. 115.

²⁷ Например, в Кветуни почти все сосуды имели тюльпановидную форму. Только один сосудик имел биконическую форму.

(типа Пеньковки), кроме биконических сосудов, в большом количестве встречаются сосуды таких типов, которых нет на верхнеднепровских поселениях. Таким образом, верхнеднепровские памятники середины и третьей четверти I тысячелетия, с одной стороны, и днепро-бугские поселения VI—VII вв., с другой, имеют совершенно различные керамические комплексы. Сравнение их не дает основания для предположения о происхождении нижнеднепровского и южнобугского славянства из областей Верхнего Поднепровья²⁸.

* * *

Ныне представляется бесспорным, что области Верхнего Поднепровья, начиная с отдаленной древности до славянского расселения, были заняты балтскими племенами. П. Н. Третьяков относит к бесспорным балтским древностям такие культуры, как юхновскую, днепровско-двинскую, верхнеокскую. Их балтская атрибуция вряд ли вызовет какие-либо сомнения. Но вот относительно милоградской культуры, расположенной в пределах того же древнего балтского гидронимического ареала, П. Н. Третьяков пишет, что носители этой культуры были индоевропейцами, родственными «балтам, но, возможно, родственные и славянам» (стр. 187). П. Н. Третьяков не разъясняет, какие материалы свидетельствуют в пользу предположения о родстве милоградцев славянам.

В распоряжении исследователей нет оснований для предположения о славянской принадлежности милоградской культуры. Славянство последней невозможно оправдать даже при допущении славянской принадлежности зарубинецкой культуры. Ведь между этими культурами нет генетической преемственности. Значит, милоградская культура оставлена племенами, обитавшими здесь до славянского расселения. А они, судя по данным гидронимии, были балтоязычными. То обстоятельство, что милоградская культура серьезно отличается от культур верхнеднепровских балтов, не имеет существенного значения в вопросе этнической атрибуции милоградцев. Ведь в эпоху раннего железа балтского единства не было, ибо, судя по данным языкознания, балты уже разделились на несколько племенных групп. Следовательно, балты могли быть представлены разными археологическими культурами. Согласно представлениям П. Н. Третьякова милоградская культура ведет свое начало от сосницкой культуры. Из той же культуры эволюционировала и юхновская культура. Почему же в таком случае юхновскую культуру можно относить к бесспорно балтским и сомневаться в балтской принадлежности милоградских племен?

П. Н. Третьяков утверждает, что между балтской гидронимикой юхновской и милоградской территорий имеется существенное различие (стр. 187). Это — недоразумение. Говоря о гидронимической дифференциации юхновской и милоградской территорий, П. Н. Третьяков цитирует следующее место из книги В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева: «Пожалуй, на нашей территории нет другого столь четко ограниченного ареала балтийских названий, в диалектной принадлежности которого не приходится сомневаться»²⁹. Но эти слова исследователей верхнеднепровской гидронимики относятся к группе ятвяжских водных названий с суффиксом *-да*. А последние имеют ясной ареал — бассейны Западного Буга и верхнего Немана³⁰. На территории милоградской культуры нет ни одного гидронима подобного типа³¹, а в пределах расселения юхновских племен известно лишь название Немда, принадлежность которого к группе гидронимов с формантом *-да* вызывает сомнения³². Нельзя говорить о различии балтской гидронимики милоградской и юхновской территорий и на основе разграничения балтских гидронимических суффиксов *-ея* и *-ия*. Так, на территории милоградской культуры известно два гидронима с суффиксом *-ия*. Столько же их имеется и в юхновском ареале. Названия на *-ея* так же не типичны для юхновской территории, как и для милоградской³³.

²⁸ П. Н. Третьяков ошибается, утверждая, что реберчатая и биконическая керамика Потясминья, Надпорожья и Побужья не имеет аналогий среди древностей западных областей славянского мира (П. Н. Третьяков. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья. СА, 1965, 4, стр. 67). Как раз наоборот, биконические и реберчатые сосуды по своим очертаниям имеют параллели в керамическом материале северо-западной группы славянства (W. Lega. Kultura pomorska we wczesnem sredniwieczu na podstawie wykopalisk. Torun, 1930, стр. 47—53 и рис. 2—11; G. Кпоргг. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Leipzig, 1931, tabl. 12, 13, 14 и рисунки в тексте).

²⁹ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 239.

³⁰ K. Būga. Jotving žemės upių vardų galynė *-da*. Tauta iz žodis. 1, Kaunes, 1923, стр. 100; В. В. Седов. Курганы ятвягов. СА, 1964, 4, стр. 36—51.

³¹ В бассейне Припяти известен один гидроним с суффиксом *-да* — Ясельда. Но милоградский ареал не доходит до бассейна этой реки.

³² В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 170.

³³ Там же, карта 6. Исследователи верхнеднепровской гидронимики пишут о 53-й параллели, как о приближительной границе между ареалами водных названий на *-ея* и *-ия* (там же, стр. 239). Но юхновская территория, как и милоградская, лежит в основном ниже этой параллели.

Вряд ли можно согласиться с выводами П. Н. Третьякова относительно этноса культуры штрихованной керамики. Согласно П. Н. Третьякову, племена культуры штрихованной керамики были не балтами, а потомками древних иноязычных племен, живших среди балтского массива. Только к середине I тысячелетия это население постепенно было ассимилировано балтами (стр. 162). Единственной причиной, послужившей П. Н. Третьякову для отрицания балтской принадлежности носителей культуры городищ со штрихованной керамикой, является предположение о происхождении этой культуры непосредственно от неолитического населения, обитавшего здесь до расселения племен шнуровой керамики. Не исключено, что истоки белорусско-литовской культуры городищ со штрихованной керамикой находятся в древностях II тысячелетия до н. э., характеризующихся слабо штрихованной толстостенной керамикой. Но вместе с тем нельзя отрицать и роль культуры шнуровой керамики в этногенезе носителей городищенской культуры штрихованной керамики. П. Н. Третьяков полагает, что племена шнуровой керамики не проникли в те области Восточной Европы, где к середине I тысячелетия до н. э. сложилась культура городищ со штрихованной керамикой. «Между Прибалтикой и Поднепровьем, — пишет П. Н. Третьяков, — оставались обширные пространства, куда племена шнуровой керамики не проникли — во всяком случае в таком числе, чтобы заметно повлиять на состав населения. В этих местностях почти не известны следы поселений и могильников среднеднепровской культуры» (стр. 162). Среднеднепровская культура, видимо, действительно не распространяется на территорию Минщины и Виленщины. Однако следы расселения племен шнуровой керамики опутимы на всей этой территории. Здесь, правда, пока не раскопано ни одного памятника, который можно было бы связать с пришлыми племенами. Но это обусловлено исключительно слабой изученностью древностей бронзового века белорусской территории. Находки боевых каменных топоров на белорусской территории культуры городищ со штрихованной керамикой повсеместны. Они есть почти в каждой коллекции местных краеведов. Пока нельзя сказать, как плотно расселились племена шнуровой керамики в этих местностях, но можно утверждать, что полное отрицание участия этих племен в этногенезе носителей городищенской культуры штрихованной керамики преждевременно.

Все материалы свидетельствуют в пользу балтской принадлежности культуры городищ со штрихованной керамикой. Таковыми являются:

1. Наземные столбовые постройки, столь характерные для этих городищ, совершенно однотипны с жилищами других восточнобалтских культур эпохи раннего железа. Эволюция построек здесь та же, что и на поселениях днепро-двинской, южно-восточной и верхнеокской культур.

2. Остроруберные горшкообразные сосуды, характерные для основной части белорусско-литовских городищ, имеют аналогии среди керамики древних пруссов.

3. На городищах штрихованной керамики повсеместно встречаются «грузики дякова типа» (Цеменичине, Апершкес, Рудамины, Аукштадварис, Ворсней, Багутьшкэй, Островляне, Вязынка, Лабенщина, Свидно, Ухлястье, Холопеничи, Кострица, Дворище). А это, что признает и П. Н. Третьяков, — типично балтская находка.

4. Обычной находкой на этих городищах являются также металлургические посоховидные булавки (Великушкес, Малышки, Возгеляй, Мошкенай, Петрашюнай, Банцеровщина, Кострица, Лабенщина). Эти находки также принадлежат к специфически балтским.

5. Присутствие по всему ареалу белорусско-литовской культуры штрихованной керамики значительного гидронимического напластования балтского происхождения при отсутствии каких-либо ощутимых следов добалтской гидронимики.

В этой связи нужно полагать, что племена культуры городищ со штрихованной керамикой были балтами. Местное неолитическое население, с древностями которого культура городищ со штрихованной керамикой обнаруживает какие-то связи, было субстратным элементом при формировании белорусско-литовской культуры эпохи раннего железа. Городища культуры штрихованной керамики не обнаруживают ни малейших следов ассимиляционных процессов. Очевидно, такой процесс происходил в более раннее время.

Для подкрепления своих положений П. Н. Третьяков ссылается на работу Ф. Д. Гуревич «Древности белорусского Понеманья», в которой обращается внимание на разрыв в эволюции балтских древностей на территории восточной Литвы в середине I тысячелетия. Однако это обстоятельство не может быть истолковано в том смысле, что на территории восточной Литвы до середины I тысячелетия жили небалтские племена. Это — результат инфильтрации одного балтского племени на территорию расселения других, но тоже балтских племен, о чем мне уже приходилось писать³⁴.

Отдельная племенная группа древних балтов представлена памятниками днепро-двинской культуры. П. Н. Третьяков называет эти древности «культурой смоленских городищ» или «смоленской культурой», отмечая, что эта культура местами выходила и на Западную Двину в ее среднем течении» (стр. 171). В настоящее время такие городища в полоцко-витебской части западнодвинского бассейна известны не менее, чем в 40 пунктах, т. е. здесь их не меньше, чем на Смоленщине. В конце 40—50-х го-

³⁴ В. В. Седов. Рец.: Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. СА, 1966, 1, стр. 306—308.

дов в XX в. некоторые из них были обследованы А. Г. Митрофановым. Его материалы остались неопубликованными. Они идентичны смоленским городищам. В последние годы белорусские археологи произвели раскопочные работы на ряде таких городищ. Уже сейчас можно утверждать, что ареал однородной культуры охватывает не только Смоленщину, но и полоцко-витебскую часть бассейна Западной Двины. Эти древности А. Г. Митрофанов назвал днепро-двинской культурой, что представляется более удачным, чем те названия, которыми пользуется П. Н. Третьяков.

На северо-западе территория днепро-двинской культуры включает и район себежских озер. Массовый керамический материал себежских городищ, без сомнения, принадлежит к той же культуре, что и городища Смоленщины. П. Н. Третьяков напрасно считает, что себежские городища относятся только к началу нашей эры. Уже исследования Ф. Д. Гуревича на городище Жуки показали, что этот памятник относится ко времени от середины I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры³⁵. Ко второй половине I тысячелетия до н. э., судя по керамическому материалу, должно быть отнесено и городище Себеж II. Язбовское городище С. А. Тараканова датировала последними веками до н. э.³⁶ По своему происхождению себежские городища никак не могут быть связаны с юхновской культурой. П. Н. Третьяков ошибается, утверждая, что «себежская керамика стоит ближе к юхновской, чем к посуде смоленских городищ» (стр. 234). На этом основании он высказывает предположение о переселении в район себежских озер части юхновского населения, отступающего перед зарубинецкими племенами. Однако повторяю, что керамика себежских городищ в целом идентична посуде соседних западнодвинских и смоленских городищ. Фрагменты керамики с ямочными вдавлениями действительно напоминают юхновскую орнаментацию, но они составляют ничтожный процент среди коллекции себежской керамики и представлены не на всех городищах этого края. Аналогичная орнаментация изредка встречается и на ранних городищах Смоленщины³⁷.

* * *

Все вопросы, затронутые в настоящей рецензии, принадлежат к числу дискуссионных и пи в коей мере не умаляют большой научной значимости книги П. Н. Третьякова. Рецензент, сосредоточив внимание исключительно на спорных темах, исходит только из соображения, что развернутая дискуссия в какой-то мере будет полезна для разрешения восточноевропейской этногенетической проблематики.

В. В. Седов

³⁵ Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, 62, 1956, стр. 97, 99.

³⁶ С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. ВЭИИП. М., 1959, стр. 117.

³⁷ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 51 и 154.

Т. М. Минаева. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965, 111 стр., 26 рис.

Советским археологам хорошо знакомо имя Т. М. Минаевой, которой в 1966 г. исполнилось 70 лет, неугомымо и плодотворно работающей в области археологии Поволжья и Северного Кавказа. С 30-х годов основным полем ее деятельности стало Ставрополье и особенно его южный район — Карачаево-Черкесия — средоточие интереснейших археологических памятников. Т. М. Минаевой на территории Ставропольского края обнаружены и исследованы десятки памятников различных эпох, начиная от мезолита и до позднего средневековья. Большинство их ею опубликовано.

Прекрасное знание материала и опыт позволили Т. М. Минаевой написать рецензируемые нами «Очерки по археологии Ставрополя», носящие научно-популярный характер и рассчитанные на широкий круг читателей. Автор ставит перед собой задачу «ознакомить читателей с некоторыми, наиболее важными археологическими памятниками Ставрополя и тем самым пробудить интерес к далекому прошлому своего края». Нужно признать, что поставленная задача решена успешно и читатели получили книгу, в которой научность содержания хорошо сочетается с простотой и доступностью изложения.

Книга Т. М. Минаевой не является первым опытом популяризации археологических памятников Ставропольского края. В 1960 г. вышла работа Е. П. Алексеевой «О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии». Однако работа Е. П. Алексеевой значительно уже по описываемой территории, и она написана в основном в плане этнической истории современных народов Карачаево-Черкесии. В книге Т. М. Минаевой эти вопросы не отражены (что оговорено автором), а внимание читателя привлечено прежде всего к характеристике исторических эпох и связанных с ними археологических культур. Поэтому при наличии ряда общих моментов книги Е. П. Алексеевой и Т. М. Минаевой далеко не идентичны по содержанию и отражают индивидуальные особенности научных интересов и стиля своих авторов, а потому хорошо дополняют друг друга.